

DOI 10.25991/VRHGA.2023.4.4.022

УДК 291

Т. С. Пронина

**РЕЛИГИЯ И ТРЕЗВОСТЬ / ОТВ. РЕД. ЕГОРОВ В. А. —
СПБ.: ИЗД-ВО АИК, 2023. — 224 С. — (РЕЛИГИЯ И ТЕЛО)**

T. S. Pronina

Religion and sobriency / executive editor Egorov V. A.

St. Petersburg: published by AIK, 2023. 224 p. (Religion and body)

Монография «Религия и трезвость» вышла в издательстве «Академия исследований и культуры» в рамках серии «Религия и тело», предполагающей регулярный выход работ, в которых исследователи анализируют широкий спектр вопросов, связанных с религиозной сферой. Коллективному труду предшествовала конференция, посвященная теме «религии и трезвости». Религиозные сообщества всегда занимали важное место в помощи тем, кто оступился, не справился со сложностями жизни, выпал из обычного социального контекста. Секуляризация внесла в это свои существенные коррективы. По-особому это проявилось в России, в которой на законодательном уровне в советский период согласно Постановлению ВЦИК и Совета народных комиссаров РСФСР «О религиозных объединениях» 1929 г., и о чем пишет ответственный редактор и один из авторов В. А. Егоров, религиозным организациям запрещалась какая-либо деятельность, кроме культовой, что подразумевало их вытеснение из всех сфер социальной жизни Советского государства, в том числе из благотворительной деятельности.

В результате были утрачены институты и опыт такой деятельности. Потому в постсоветский период религиозные объединения непросто возвращались к ней. 15 даже и 10 лет назад я задавала вопрос православным священнослужителям (в ходе исследований): почему православная церковь не ведет активную деятельность в больницах, не открывает свои приюты, ночлежки, хосписы, не придает такой работе системный, массовой характер, на что получала ответ — этим должно заниматься государство, а у религиозных организаций нет ни ресурсов (материальных, людских), ни правовой основы для

этого. Казалось, что в России такой опыт ушел в прошлое и в современности нет возможностей для его реализации. И это несмотря на то, что с последней трети 20-го века в Европе религиозная благотворительность переживала настоящий бум — правда, прежде всего, как внецерковная — через организацию различных обществ помощи по вероисповедной принадлежности, но вне официальных церковных институтов. Но постепенно и в России религиозные сообщества вернулись в эту сферу, и сегодня можно уверенно сказать, заняли в ней значимую нишу.

Особенно это касается сферы помощи людям, страдающим различными видами зависимостей. Причины довольно существенных результатов религиозных объединений в этой сфере различны. Одна из них состоит в том, что государство, занятое вопросами собственного «выживания» в 1990-е годы, проявило инертность. И произошли, я бы так сказала, удивительные процессы самоорганизации людей, когда они стали помогать себе сами — одни, избавившись от пагубной зависимости, стали помогать другим, опираясь на свой опыт веры и свой опыт избавления. Замечательно, на мой взгляд, что со временем подход к этой работе стал взвешенным, к программам избавления и реабилитации привлекли врачей, психотерапевтов, использовали научный подход. Знакомясь с опытом такой деятельности разных религиозных организаций — и здесь следует сказать, что это, прежде всего, протестантские церкви (по данным Патриархии (2022 г.) в России более «200 церковных структур помощи наркозависимым, в том числе 54 центра основного периода реабилитации наркозависимых, 19 центров ресоциализации, 66 консультационных пунктов, 13 амбулаторных программ, 5 подготовительных мотивационных центров, 72 православных группы поддержки зависимых и их близких»^{*}. При этом протестантских центров 400 [3, с. 139]. В ходе знакомства с работой таких центров религиозных сообществ меня удивил высокий процент извлечений — выше, чем в дорогостоящих наркологических клиниках. И этот опыт следует изучать, анализировать, использовать наиболее успешные практики.

На мой взгляд, монография интересна тем, что она носит, если можно так сказать, нетривиальный характер — в нее вошли главы, написанные академическими исследователями и главы, написанные членами религиозных сообществ, представляющих описание событий сквозь призму собственного опыта обращения, религиозного опыта, что придает таким материалам особую достоверность. В результате, исследователи имеют возможность узнать уникальные факты, без которых любые теоретические обобщения несостоятельны.

В параграфе В. И. Казачкова «Духовное и телесное в контексте учения Братца Иоанна Самарского о Святой Христовой трезвости» отмечается, что сегодня важно учитывать опыт сообществ трезвенников, их методы работы, которые сочетают работу с телом и душой. Также как и в параграфах первой главы М. С. Гетто «Братец Иоанн и труднообъяснимое с позиций человеческого разума», В. В. Синякова «Трансцендентная обыденность повседневной жизни

---

^{*} В Синодальном отделе по социальному служению рассказали о помощи наркозависимым. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5939687.html> (дата обращения: 12.06.2023).

трезвенников Братца Иоанна» рассказывается о жизни и служении Братца Иоанна Чурикова. Справедливо отмечается, что это не только особый опыт борьбы с пьянством, но и уникальный феномен религиозной жизни России.

Монография также представляет материалы, раскрывающие особенности отношения к употреблению алкоголя в разных религиозных сообществах, варианты доктринального обоснования запрета и к каким основаниям апеллируют духовные авторитеты, обосновывая такой запрет. Не менее важно понимать — в какой мере последователи придерживаются запретов и предписаний в этой сфере, происходит ли либерализация запретов на употребление алкоголя или одурманивающих веществ во времени. Как это происходило в Церкви Святых последних дней, рассказывает статья С. Ю. Антаманова, В. А. Егорова «Слово Мудрости»: этика трезвости и здорового образа жизни в вероучении Церкви Иисуса Христа Святых последних дней».

Параграф А. Д. Бертовой «Особенности отношения христианских миссионеров в Японии второй половины XIX века к духовному и телесному воспитанию» вызывает большой интерес не только в силу малоизученности темы в российском научном пространстве, но и глубокого анализа разнообразных источников. Автор параграфа делает вывод, что «христианские миссионеры распространяли в Японии не только христианство, но в целом западный образ жизни и западное отношение к телу, которые они считали необходимым условием достижения статуса цивилизованного государства», что, по А. Д. Бертовой, мнению негативно повлияло на дальнейшую судьбу христианства в стране [4, с. 110].

В некоторых религиях, имеющих не только тысячелетнюю или многовековую историю (в исламе, например), но и в относительно новых религиях существует полный запрет на употребление алкоголя. К таковым относится религия Бахаи, о чем пишет И. Г. Верещагин в параграфе «Вера Бахаи и алкоголь». Автор приводит доктринальное обоснование этого запрета, существующего в данном религиозном направлении. Доктрина Бахаи рассматривает запрет на употребление алкоголя и других затуманивающих разум веществ как закономерный результат эволюции отношения других религий к телу и развития науки и технологий безопасности. Но все же итоговый вывод, который в полной мере соответствует учению Бахауллы, что главная причина запрета — защита разума; другие возможные соображения, как, например, забота о физическом здоровье, имеют второстепенное значения. И второе не менее важное заключение — выбор остается за самим человеком.

Авторы М. Ладов, И. Попов в параграфе «Трезвенничество как образ жизни в идеологии и практике последователей Православной Церкви Божией Матери Державная» отмечают, что Богородичная Церковь поддерживает трезвость как норму жизни и прослеживают преемственность этого принципа по отношению к предшествующим духовным движениям, таким как гностики, богомилы, христоверы, российские общества трезвости, ивановцы.

Параграф известного академического исследователя А. И. Пospelовой «Новая реальность протестантизма: борьба с «духом водки» и ревитализация анимизма у неопитов-пятидесятников в Магаданской области» отличается глубоким анализом процессов, связанных с эволюцией религиозных представ-

лений, культов в среде малочисленных народов Севера. Используя результаты количественных и качественных исследований, А. И. Поспелова, делает вывод о том, что христианство почти не оставило следа у коряков. Немногие православные обрядовые элементы вплетены в традиционные обычаи. Интересен вывод, что распространение среди коряков протестантизма в пятидесятнической версии привело к особой форме конфликтности, когда принявшие пятидесятничество стали считать себя избранными, превосходящими тех, кто не принял новых убеждений. Особого внимания заслуживает обоснованное суждение, что распространению пятидесятничества среди местного населения способствовала массовая алкоголизация — основная масса членов общины — бывшие алкоголики. Автор параграфа также обращает внимание на то, что пятидесятничество оказалось ближе корякам, чем, например, православие, из-за ряда черт, близких их традиционному мировоззрению — отсутствие дистанции между рядовыми верующими и пастором, и некоторые другие особенности вероучения и богослужебной практики — например, акцент на Дарах Духа Святого, переживании экстагических состояний.

Казалось бы, несколько выбивается из общей «трезвеннической» направленности материалов параграф М. М. Фатеева «Роль монахов в развитии искусства пивоварения», который начинает с заявления: «Пост и монахи — вот две главные движущие силы в развитии пивоварения» [4, с. 166]. Однако в знании вопроса и изяществе стиля изложения автору не откажешь. Думаю, что и такой ракурс проблемы уместен, поскольку развитие ремесла и умеренности в употреблении спиртных напитков стали частью культуры, в том числе и религиозной.

Третью главу «Трезвенничество в социальном измерении» открывает параграф П. Ю. Белова «Религиозный фактор и проблема разрушения тела человека, находящегося в местах лишения свободы». Автор уже известен тем, что много лет изучает мировоззренческие, этические и правовые аспекты религиозной деятельности в российских пенитенциарных учреждениях [1]. Здесь он задается вопросом о «положительном и отрицательном влиянии религиозности человека, находящегося в социальном пространстве пенитенциарного учреждения, на его психологическое и физическое здоровье» [4, с. 173]. Основной вывод — «лишение свободы — это мощный разрушающий элемент воздействия на здоровье человека независимо от его религиозных предпочтений» [4, с. 182], но само понимание свободы и несвободы в разных религиозных доктринах неодинаково, потому и вред последователями может переноситься по-разному.

Параграф В. А. Курилова «Атеистическая пропаганда посредством системы здравоохранения в Советском Союзе во второй половине XX века» также представляет в коллективной монографии линию академических ученых. Автор уже зарекомендовал себя как авторитетный исследователь государственно-конфессиональных отношений в советский период [2]. Благодаря тщательной работе с архивными материалами и другими источниками, он приходит к новым выводам о не столь далеко отстоящей от нас эпохи, но по-прежнему во многом не понятой. Однако очевидно, что причины, истоки многих сегодняшних процессов коренятся в советском времени. К примеру,

уже в начале параграфа В. А. Курилов ссылается на обновление Устава КПСС (1961 г.) и Резолюцию XXIII съезда КПСС (1966 г.), из которых следует, что «согласно обновленному Уставу КПСС, борьба с «религиозными предрассудками» вошла в обязанности каждого коммуниста, а атеистические убеждения стали необходимым условием партийной принадлежности. Что же касается Резолюции XXIII съезда КПСС, то в ней перед правящей партией ставилась грандиозная задача формирования марксистско-ленинского мировоззрения у всех советских людей» [4, с. 187]. Документы раскрывают идейные основы антирелигиозной кампании этого периода, новой волны репрессий против верующих. То, что в 70-х годах происходит прерывание исторической религиозности советских людей, наследуемой в предыдущих поколениях, можно рассматривать и как результат партийных решений, когда, как писал Владимир Степанов «Эта тотальность гонений должна была создать для верующих атмосферу отвержения, культурной изоляции, в которой они чувствовали бы себя гражданами второго сорта, изгоями общества, недостойными вместе со всем народом войти в светлое будущее» [5]. Привлечение врачей к атеистической работе — крайне интересная страница в исследованиях данной темы. И сегодня, можно уверенно сказать, аргументы врачей обладают особой убедительностью. Здесь важно понимать, что врачи часто использовали вполне реальные доводы — например, о распространении инфекций. И если сводить религию к мистификациям, чудесам, то она оказывается очень уязвимой перед научной критикой. Опыт пандемии, расхождения в религиозных сообществах по вопросу о необходимости дезинфицировать богослужебные предметы, например, для причастия, не посещать храмы, собрания — схожие вопросы, которые встали и перед современными верующими, а, значит, и перед исследователями возникли новые вопросы.

Материал монографии подтверждают важность научного подхода к изучению религиозности, который дает понимание, что религия — многосложный феномен, включающий не только ритуалы, обряды, но и мировоззрение, моральные системы, психологию, искусство, политические идеи, социальные модели и др. Важно также и то, что научный подход проясняет содержание, значение обрядов с психологической, социальной точек зрения, как раз оставляя за скобками чудесный элемент — и тем самым раскрывает, что и обряды выполняют разные задачи, значимые для человека. Уверенно можно сделать вывод, что материалы коллективной монографии будут интересны как членам религиозных сообществ, так и исследователям религиозной сферы, и серия «Религия и тело» получила хорошее начало.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белов П. Ю. Религиозное тюремное служение в России как светском государстве // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2022. — № 1. — С. 161–171.
2. Курилов В. А. Советская модель секуляризации: политическое и правовое регулирование свободы совести в СССР (вторая половина XX). — СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии. — 344 с.

3. Лункин Р. Христианство в России в условиях религиозной свободы: успех социальной миссии // Лункин Р., Загребина И. В. Религия и право в современной России. — М., 2017. — С.134–150.
4. Религия и трезвость / Отв. ред. Егоров В. А. — СПб.: Изд-во АИК, 2023. — 224 с. — (Религия и тело).
5. Степанов В. Работа по отрыву от церкви // Мирт: газета. — 2009. — № 1 (66).